

Ректор Московского историко-архивного института профессор Юрий АФАНАСЬЕВ в беседе с корреспондентом АНП Павлом ЗАРИФОВЫМ размышляет над некоторыми проблемами истории советского общества.

— Какова главная идея, которой вы руководствуетесь в своей научной работе?

— Идея необходимости диалектического отношения к истории, познания ее объективных закономерностей без какой-либо ложной стыдливости в отношении сложных и противоречивых явлений.

Вообще, высказывание древних «история — учительница жизни» не следует воспринимать буквально. К сожалению, до сих пор ее часто рассматривают лишь как сумму примеров для воспитания новых поколений. Такой взгляд весьма ограничен. Исторического опыта есть несравненно более важная социальная функция, которую мы пока не научились реализовывать до конца.

Чтобы отчетливо разобраться в дне сегодняшнем, нужно обменно, со всеми достоинствами и ошибками осознать прошлое. Насколько важно подобный реалистический подход, показывает весь ход событий в СССР после ХХVII съезда КПСС.

— В одном из своих недавних выступлений в печати вы

указали на особую важность изучения двух периодов советской истории: с 1917 года по 1929-й и с 1956-го по 1965-й. Из чего вы при этом исходили?

— Эти периоды наиболее важны для замыкания теоретического опыта, полезного сегодняшней перестройке. Именно в ленинский и послесталинский периоды особенно интенсивно шло соревнование идей относительно путей развития социалистического общества.

Глубокого же изучения, безусловно, достойны все без исключения периоды; вплоть до сегодняшнего дня. И здесь, надо признаться, советская историческая наука и философия оказываются пока не на высоте. До сих пор, как отмечали в печати мои коллеги, в научной литературе нет детальных, взвешенных оценок деятельности Сталина, Хрущева, Брежнева и других руководителей государства. Не случайно уже два десятка лет никак не может завершиться выпуск серии «История СССР от древнейших времен до наших дней».

— Особенно жаркие споры идут сейчас вокруг личности Сталина и его методов руководства. Не кажется ли вам, что наука в этой дискуссии отстала от литературы? Вспомним «Дом на набережной» Ю. Трифонова, «Зубр» Д. Гранина, «Дети Арбата» А. Рыбакова.

— Сожалению, это факт. Художественная литература, публицистика, кинематограф определили нас.

Они стали освещать явления недавнего прошлого и, надо признать, в определенном смысле глубже, чем историческая наука.

Есть много причин этого явления. Главная, по-моему, в том, что мышление литераторов и художников оказалось более раскованным и позволило им отразить эту эпоху отностительно прямым. Историки же еще в значительной степени находятся в плену у догматизма. Разумеется, нельзя упускать из виду объективные трудности. Скажем, до сих пор историки не располагают всеми необходимыми источниками (хотя сейчас принятые решения о расширении доступа

к архивам). Или то очевидное обстоятельство, что все мы во многом «продукты» своего времени, впитавшие определенные традиции и авторитеты. Писать на такую тему — дело не просто сложное, но крайне ответственное. Гораздо легче принять и развивать какую-то одну устоявшуюся версию, отметить любые не подходящие к ней факты, чем попытаться выяснить историческую науку, и беспричинность изыскательских работников мешала глубоким, неординарным исследованиям стать достоянием общественности.

— Не думаю. Это бы уже обнаружилось, учитывая быстроту, с которой пробились в печать на начальном этапе.

Тарновский призывал к комплексному рассмотрению всей совокупности социально-экономических реалий. В то время как в мире докапиталистический и капиталистические формы общественных отношений, индустриальный и патриархальный уклады были в начале века в основном «распределены» между отдельными странами и регионами, в России, в рамках одного государства, они столкнулись и переплелись. Поэтому только на основе комплексного подхода можно сделать верные выводы о расстановке классовых и политических сил накануне 1917 года, объяснять острую социальную конфликтацию, глубину и трудность перемен после победы Октября.

Более свежий печальный пример — судьба книги В. Поликарпова «Лагерь контреволюции» (об офицерском корпусе царской армии). Эта интересная работа давно написана и рекомендована публикации, но так пока и не увидела свет.

— Такая же участь еще не-

волнований и послереволюционный периоды.

Тарновский призывал к комплексному рассмотрению всей совокупности социально-экономических реалий. В то время как в мире докапиталистический и капиталистические формы общественных отношений, индустриальный и патриархальный уклады были в начале века в основном «распределены» между отдельными странами и регионами, в России, в рамках одного государства, они столкнулись и переплелись. Поэтому только на основе комплексного подхода можно сделать верные выводы о расстановке классовых и политических сил накануне 1917 года, объяснять острую социальную конфликтацию, глубину и трудность перемен после победы Октября.

Более свежий печальный пример — судьба книги В. Поликарпова «Лагерь контреволюции» (об офицерском корпусе царской армии). Эта интересная работа давно написана и рекомендована публикации, но так пока и не увидела свет.

— Такая же участь еще не-

сколько лет назад, думаю, могла постигнуть монографию Е. Примака, И. Пантини и В. Хорса «Революционная традиция в России», в которой некоторые трактуются многие проблемы истории страны, в том числе содержание разных этапов революционно-демократического движения.

— В одном из интервью вы предложили перенести некоторые работы Сталина и других политических деятелей. Почему?

— Думаю, полезно было бы перенести не только Сталина, но и Бухарина, Зиновьеву, Каменеву, Троцкого. Ведь старые издания уже почти недоступны, а вечно отграждать молодые поколения от «нежелательных влияний» неразумно и неизгладимо. Гласность должна пропасть и здесь — иначе вооружить людей глубоким знанием советской истории во всем ее противоречиях мы не сможем. Есть теоретические взгляды отдельных деятелей и движений этой эпохи, нашедшие выражение в определенных поступках. Есть и ленинская партийная критика.

[АПН.]

ИСТОРИЯ НЕ ТОЛЬКО УЧИТЕЛЬНИЦА ЖИЗНИ

УЧИТЕЛЬ УЗБЕКИСТАНА

Ректор Московского историко-архивного института профессор Юрий АФАНАСЬЕВ в беседе с корреспондентом АНП Павлом ЗАРИФОВЫМ размышляет над некоторыми проблемами истории советского общества.

— Какова главная идея, которой вы руководствуетесь в своей научной работе?

— Идея необходимости диалектического отношения к истории, познания ее объективных закономерностей без какой-либо ложной стыдливости в отношении сложных и противоречивых явлений.

Вообще, высказывание древних «история — учительница жизни» не следует воспринимать буквально. К сожалению, до сих пор ее часто рассматривают лишь как сумму примеров для воспитания новых поколений. Такой взгляд весьма ограничен. Исторического опыта есть несравненно более важная социальная функция, которую мы пока не научились реализовывать до конца.

Чтобы отчетливо разобраться в дне сегодняшнем, нужно обменно, со всеми достоинствами и ошибками осознать прошлое. Насколько важно подобный реалистический подход, показывает весь ход событий в СССР после ХХVII съезда КПСС.

— В одном из своих недавних выступлений в печати вы

указали на особую важность изучения двух периодов советской истории: с 1917 года по 1929-й и с 1956-го по 1965-й. Из чего вы при этом исходили?

— Эти периоды наиболее важны для замыкания теоретического опыта, полезного сегодняшней перестройке. Именно в ленинский и послесталинский периоды особенно интенсивно шло соревнование идей относительно путей развития социалистического общества.

Глубокого же изучения, безусловно, достойны все без исключения периоды; вплоть до сегодняшнего дня. И здесь, надо признаться, советская историческая наука и философия оказываются пока не на высоте.

До сих пор, как отмечали в печати мои коллеги, в научной литературе нет детальных, взвешенных оценок деятельности Сталина, Хрущева, Брежнева и других руководителей государства. Не случайно уже два десятка лет никак не может завершиться выпуск серии «История СССР от древнейших времен до наших дней».

— Сожалению, это факт. Художественная литература, публицистика, кинематограф определили нас.

Они стали освещать явления недавнего прошлого и, надо признать, в определенном смысле глубже, чем историческая наука.

Есть много причин этого явления. Главная, по-моему, в том, что мышление литераторов и художников оказалось более раскованным и позволило им отразить эту эпоху отностительно прямым. Историки же еще в значительной степени находятся в плену у догматизма. Разумеется, нельзя упускать из виду объективные трудности. Скажем, до сих пор историки не располагают всеми необходимыми источниками (хотя сейчас принятые решения о расширении доступа

к архивам). Или то очевидное обстоятельство, что все мы во многом «продукты» своего времени, впитавшие определенные традиции и авторитеты. Писать на такую тему — дело не просто сложное, но крайне ответственное. Гораздо легче принять и развивать какую-то одну устоявшуюся версию, отметить любые не подходящие к ней факты, чем попытаться выяснить историческую науку, и беспричинность изыскательских работников мешала глубоким, неординарным исследованиям стать достоянием общественности.

— Не думаю. Это бы уже обнаружилось, учитывая быстроту, с которой пробились в печать на начальном этапе.

Тарновский призывал к комплексному рассмотрению всей совокупности социально-экономических реалий. В то время как в мире докапиталистический и капиталистические формы общественных отношений, индустриальный и патриархальный уклады были в начале века в основном «распределены» между отдельными странами и регионами, в России, в рамках одного государства, они столкнулись и переплелись. Поэтому только на основе комплексного подхода можно сделать верные выводы о расстановке классовых и политических сил накануне 1917 года, объяснять острую социальную конфликтацию, глубину и трудность перемен после победы Октября.

Более свежий печальный пример — судьба книги В. Поликарпова «Лагерь контреволюции» (об офицерском корпусе царской армии). Эта интересная работа давно написана и рекомендована публикации, но так пока и не увидела свет.

— Такая же участь еще не-

БОРОТЬСЯ ДО КОНЦА

решила «команды кандидата в народные депутаты Тулкина Аманова

«...помимо нашей с вами логики есть логика Административной Системы, которая (система) отменена пока лишь в нашем воображении и которая (логика) будет преподносить нам сюрпризы до тех пор, пока мы не научимся понимать ее».

Игорь Клямкин. «Почему трудно говорить правду». («Новый мир», № 2, 1989 г.)

ПО ТРЕМ из пяти избирательных округов Карагандинской области зарегистрировано по одному кандидату. Это бригадир хлопководческой бригады, первый секретарь обкома партии, зампредседателя Совмина республики. По четвертому округу баллотируются два бригадира — виноградарь и хлопкоуборач. А вот по пятому...

По пятому, который официально называется национально-территориальным избирательным округом № 102 с центром в городе Каши, народ, своим депутатом должен назначить рабочего. В самом деле, многочисленный рабочий класс области, конечно же, должен быть представлен в качественно новом общегосударственном институте власти. А раз так, то нужно исключить возможность какой бы то ни было альтернативы, и даже кандидатам по данному округу должны быть только рабочие.

Примерно так звучит «сценарий», неизвестный кому кроме разработчиков, на бумаге не писанный, в воздухе тем не менее витавший, по которому в данном случае и хотели разыграть «спектакль». Как бы там не было, но Карагандинский горком партии, надо полагать, руководствовался благими намерениями, предлагая кандидатом по округу № 102 от коллектива промыслового управления «Шуртангаз» Т. Аманова и бригадир комплексной бригады строителей ПМК-4 треста «Каршпромжилстрой» управления «Каршстрой». М. Хакимов.

Н Е БУДУ тратить газетное пространство на обоснование своего права агитировать за того или иного претендента, потому что агитировать я и не собираюсь. Я лишь хочу дать оценку — журналистскую и личную — предвыборным платформам обеих кандидатов.

Мейли Самадович Хакимов, 48 лет. Кавалер орденов Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции и Ленина. Лауреат Государственной премии СССР. Плоть от плоти карагандинской, он знает ее заботы и боли и, если будет избран, послужит для доверия ПМК-4 треста «Каршпромжилстрой» управления «Каршстрой».

«...помимо нашей с вами логики есть логика Административной Системы, которая (система) отменена пока лишь в нашем воображении и которая (логика) будет преподносить нам сюрпризы до тех пор, пока мы не научимся понимать ее».

Причем эта логика неизвестна, в воздухе тем не менее витавшая, по которому в данном случае и хотели разыграть «спектакль». Как бы там не было, но Карагандинский горком партии, надо полагать, руководствовался благими намерениями, предлагая кандидатом по округу № 102 Т. Аманова, и бригадир комплексной бригады строителей ПМК-4 треста «Каршпромжилстрой» управления «Каршстрой».

«...помимо нашей с вами логики есть логика Административной Системы, которая (система) отменена пока лишь в нашем воображении и которая (логика) будет преподносить нам сюрпризы до тех пор, пока мы не научимся понимать ее».

Причем эта логика неизвестна, в воздухе тем не менее витавшая, по которому в данном случае и хотели разыграть «спектакль». Как бы там не было, но Карагандинский горком партии, надо полагать, руководствовался благими намерениями, предлагая кандидатом по округу № 102 Т. Аманова, и бригадир комплексной бригады строителей ПМК-4 треста «Каршпромжилстрой» управления «Каршстрой».

«...помимо нашей с вами логики есть логика Административной Системы, которая (система) отменена пока лишь в нашем воображении и которая (логика) будет преподносить нам сюрпризы до тех пор, пока мы не научимся понимать ее».

Причем эта логика неизвестна, в воздухе тем не менее витавшая, по которому в данном случае и хотели разыграть «спектакль». Как бы там не было, но Карагандинский горком партии, надо полагать, руководствовался благими намерениями, предлагая кандидатом по округу № 102 Т. Аманова, и бригадир комплексной бригады строителей ПМК-4 треста «Каршпромжилстрой» управления «Каршстрой».

«...помимо нашей с вами логики есть логика Административной Системы, которая (система) отменена пока лишь в нашем воображении и которая (логика) будет преподносить нам сюрпризы до тех пор, пока мы не научимся понимать ее».

Причем эта логика неизвестна, в воздухе тем не менее витавшая, по которому в данном случае и хотели разыграть «спектакль». Как бы там не было, но Карагандинский горком партии, надо полагать, руководствовался благими намерениями, предлагая кандидатом по округу № 102 Т. Аманова, и бригадир комплексной бригады строителей ПМК-4 треста «Каршпромжилстрой» управления «Каршстрой».

«...помимо нашей с вами логики есть логика Административной Системы, которая (система) отменена пока лишь в нашем воображении и которая (логика) будет преподносить нам сюрпризы до тех пор, пока мы не научимся понимать ее».

Причем эта логика неизвестна, в воздухе тем не менее витавшая, по которому в данном случае и хотели разыграть «спектакль». Как бы там не было, но Карагандинский горком партии, надо полагать, руководствовался благими намерениями, предлагая кандидатом по округу № 102 Т. Аманова, и бригадир комплексной бригады строителей ПМК-4 треста «Каршпромжилстрой» управления «Каршстрой».

«...помимо нашей с вами логики есть логика Административной Системы, которая (система) отменена пока лишь в нашем воображении и которая (логика) будет преподносить нам сюрпризы до тех пор, пока мы не научимся понимать ее».

Причем эта логика неизвестна, в воздухе тем не менее витавшая, по которому в данном случае и хотели разыграть «спектакль». Как бы там не было, но Карагандинский горком партии, надо полагать, руководствовался благими намерениями, предлагая кандидатом по округу № 102 Т. Аманова, и бригадир комплексной бригады строителей ПМК-4 треста «Каршпромжилстрой» управления «Каршстрой».

«...помимо нашей с вами логики есть логика Административной Системы, которая (система) отменена пока лишь в нашем воображении и которая (логика) будет преподносить нам сюрпризы до тех пор, пока мы не научимся понимать ее».

Причем эта логика неизвестна, в воздухе тем не менее витавшая, по которому в данном случае и хотели разыграть «спектакль». Как бы там не было, но Карагандинский горком партии, надо полагать, руководствовался благими намерениями, предлагая кандидатом по округу № 102 Т. Аманова

* СЧАСТЬЯ ВАМ, МИЛЫЕ ЖЕНЩИНЫ! *

Голосуйте за лактозность!

Телятица, комсомолка, студентка-заочница института культуры восточных народов, депутат сельского Совета, лауреат премии Ленинского комсомола области Глашенька Безродная начала обучать приемам йоги своей любимице — телку Гангу, которая приходится праправнучкой знаменитой американке Бонни Йоге, по мнению руководителей района, позволив телке и в наших условиях стать высокоуспешной коровой с молоком повышенной жирности, белковости, лактозности, витаминности и безотходности.

По рекомендации тех же самых руководителей Г. Безродная выдвинута кандидатом в народные депутаты от общественной организации «Дружба народов в выполнении Продовольственной программы».

— Если изберут меня, — сказала Глашенька на встрече с избирателями, — буду повсеместно внедрять американо-индийскую технологию и, не знаю как на счет хлеба и картошки, но лактозности у нас будет вдоволь.

М. АЙАЗОВИЧ.

ПАПА! ДАВАЙ ПОИГРАЕМ

— Папа, давай поиграем в бильярд, давай? — Конечно, сынок, да-да... — Тебе врачи. А тебе как будто перехала машина. И я сейчас буду прикивать тебе ноги. Вот эти нитки. Каничко хочется, белым или черными? — Что, сынок, ты хочешь прикинуть?

— Я же тебе говорю, тебя переехала машина...

— Каничко машина? Ты что, с ума сошел? Игры называются! Брось сейчас же эти нитки! Машина переехала... Ты меня сегодня совсем в гроб загонишь своими штучками.

— А что там интересно в гробах?

— В самом деле? Там совершенно не интересно. Давай про что-нибудь другое поговорим. Посмотрим киному какую-нибудь...

— Да, киному посмотрим. Сколько папа с рыбой может сидеть на дереве?

— Но посуди сам, сынок, как рыба может сидеть на дереве?

— Ну, может быть, это что-нибудь такое, что мама покупает — минтай.

— Минтай никогда не может сидеть на дереве.

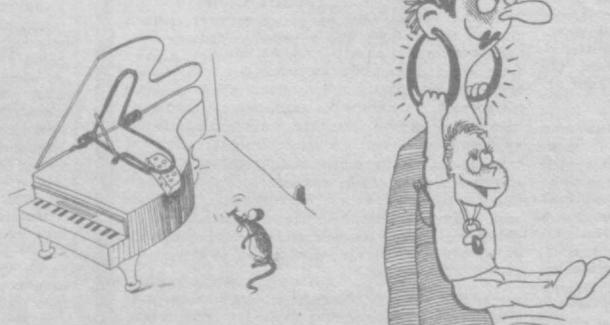
— А вот тут так нарисовано.

— Купит, купит папа. Я сейчас мамина! Что же здесь нарисовано? Дорогая, как ты мне всегда покупаешь. Давай, папа, в бильярд поиграем, давай?

— На дереве! Вообще-то я слышала, что есть летучие рыбы. Если она залетит на дерево, значит, может сидеть там.

— Это вы разгадываете!

Галина ЛУКЬЯНЧИК.

ВЗГЛЯД

И ВОТ ТОГДА...

КОГДА-ТО известный режиссер Адольф Шапиро (тогда еще не было ни «Кабаны», ни «Лебединое озеро») поделился со мной, казалось бы, естественным, но до сих пор не укладывавшимся во всеобщие рамки представлением о театре мыслью: «Почему принято считать, что театр должен выживать? Чем театр должен воспитывать?.. Театр должен быть таким, каков он есть, не поддаваясь, не приспособляясь, отрешась, растворяясь в вечных вопросах и попытках дать на них свой ответ. И вот тогда...»

Главреж едва ли не лучше ТЮЗа страны не договорил, вздохнул, закурил... А потом я посмотрел на сцене рижского ТЮЗа спектакль «Завтра был война!», где заняты в основном молодые актеры, и я подумал: да, им удается следовать «шепиловским» законам внутреннего театраального бытия... Чем поразило! Облик артистов — одухотворенные (думается заново в смысле этого уставшего слова), просветленные лица, крупность, незащищенность, величие. То, что позволяет театру быть, то, что делает лишним продолжение фразы «И вот тогда...» Удивительно радостное, редкое впечатление.

Я бы сказал — раритетное, если бы не возраст его внушающих. И это обнадеживало, бодрило. Прошло несколько лет. И вот случайно — поистине, совершиенно случайно! — увидел я этот снимок. Я не знал еще, что попал «на мушку» другого фотокорреспондента, когда и где молниеносно щелкнул затвор — я лишь увидел — и необыкновенно вспыхнула целочка ассоциаций, и застыла память тот разговор с Мастером, и засвистелись, ожили, те мысли и чувства. Облик, овечий духом Замысла и романтики, облик, источающий свет. Неповторимость. Женственность. Драматизм. И я должен был бы втroe удивиться, но отчего-то воспринял как само собой разумевшееся: на снимке — актриса Ташкентского русского театра юного зрителя... Потом уже позвонил в ТЮЗ, попросил рассказать, услышал:

— Как зовут? Оксана Сокол. Очень молодая! Из драмстудии Дворца культуры текстильщиков — там школьница начала заниматься — прямо к нам. Сами нашли. В ТЮЗ сыграла уже Белоснежку. Занята в спектакле «Заморские» — это девичий колония, пьеса польского драматурга; будет играть в спектакле «Снежная королева и вороньи». Учится на нашем курсе...

Прошу выполнить с удовольствием — написал. Могу даже номером телефона поделиться с будущими актерами и их учительями: 41-06-02. Но как бы ни гнуло журналистскую морду душу к хлебной информативности, главным, что хочу сказать, остается: высшая приват-художница — в словах Адольфа Шапиро. Театр должен жить сам по себе, невзирая ни на то, что ему пытаются навязать, ни на соблазн нравиться и «собирать» студионики. И вот тогда...

Меня, как и многих, волнует настоящее и будущее русского театра. О своем времени детям его говорить трудно. То, что впереди, и то, что позади, видится лучше. И даже если это мираж... Даже если это мираж, я все равно уверен: возрождение и будущее искусства принадлежит людям, лицам которых обладают способностью светиться внутренним светом. Чем больше таких лиц, тем крепче надежда, тем легче жить.

Этот свет целительно и нежно коснется детских душ. И вот тогда...

— А из кого выбираете?

— Из всех желающих выпускников средних школ. Вы из какой газеты? Из учительской? Очень хорошо! Напишите, пожалуйста, об этом курсе, а то в школах о нем не знают.

Прошу выполнить с удовольствием — написал. Могу даже номером телефона поделиться с будущими актерами и их учительями: 41-06-02. Но как бы ни гнуло журналистскую морду душу к хлебной информативности, главным, что хочу сказать, остается: высшая приват-художница — в словах Адольфа Шапиро. Театр должен жить сам по себе, невзирая ни на то, что ему пытаются навязать, ни на соблазн нравиться и «собирать» студионики. И вот тогда...

Меня, как и многих, волнует настоящее и будущее русского театра. О своем времени детям его говорить трудно. То, что впереди, и то, что позади, видится лучше. И даже если это мираж, я все равно уверен: возрождение и будущее искусства принадлежит людям, лицам которых обладают способностью светиться внутренним светом. Чем больше таких лиц, тем крепче надежда, тем легче жить.

Этот свет целительно и нежно коснется детских душ. И вот тогда...

Ст. ШВЕЙКОВСКИЙ.

Фото Т. СТЕПАНОВОЙ.

Гениалка «ВУ»

О женщинах и не только о них

Чтобы быть уверенным в том, что никогда не разведешься, лучше не жениться вовсе.

● Отношения начинают портиться тогда, когда их начинают выяснять.

● На берегах моря удовольствия сидят в основном недовольные.

● В каждом мужчине спит

рыцарь. Только он постоянно просыпает свое время.

● Пиковая дама — женщина в переполненном автобусе.

● Чтобы не оскорблять достоинства женщин, предлагаю бабье лето переименовать в дамскую зиму.

● Мало победить на конкурсе красоты. Необходимо еще оставаться красивой на кухне.

● На самом же деле синяя птица оказалась перекрашенной курцей...

● Дорог не подарок! Это смотря какой...

● Легче всего вскружить голову юле.

● Прилично ли дарить любым своей портрет, если он — словесный!

● Какой интересный спек-

такль можно сделать из закулисных интриг!

● Была столь красива, что ослепляла мужчин. И ее уже не могли увидеть ее красоты...

● Руку в перчатке подают только аристократки и боксеры.

● Невозможно не уступить желанию женщины. Особенно, если эта женщина — вы сами.

Владимир ПЛЕТИНСКИЙ.

Этого степного ежика зовут Тришка. Его любят все — за открытый нрав и добрые характер. Однако для тех, кто с ним не ласков, Тришка превращается в колючий игольчатый ком. Но — взгляните на снимок — стоит обойтись с ним почтительно — и он ваш. Короче говоря, доброе слово и ежу приятно. А кошке? А собаке? А обезьяне? А вам? И так ли уж это трудно — сделать приятное?

Фото И. НИКИТИНА.

Фотохроника ТАСС.

КЛЯКСА

Все! Наконец-то. Складываю тетради на портфель, втыкаю в него блокнот с поурочными планами, облегченно вздыхаю и иду гладить форму дочурке-первоклашке.

Звонок. Так поздно? Беру трубку.

— Фариде Азгамова. Вы неправильно поставили моей дочери отметку. Я проверяла у нее стихотворение, она выучила хорошо, а вы поставили ей «четыре»! Это несправедливо. Я расстроена, не могу уснуть, — в трубке всхлипнули...

— Таня невразыльно читала, — оправдывалась я.

— А я ее в артистки не готовлю, — уже рычит трубка. Мне нужен балл.

— Хорошо, — сдюхнулась я. — Пусть повторит, я завтра вызову ее снова.

Утром вызываю Таню к дос-

ке. Она, запинаясь, кое-как дочтирает стихотворение до конца.

— Садись, «тройка», — говорю я.

— Как? — возмущается ребёнок. — Мама же велела вам исправить на «плактуре». Мама так переживает за каждую монетку!

— А ты? — спросила я. Девочка молча покачала плечами.

Домой шла вместе. Навстречу выбежала моя дочурка.

— Ма, «тройки» по математике, — отрапортовала она.

— Почему не «пять»? — строго спрашивала дочь. — Ведь ты хорошо решала задачи.

— А у меня клякса, —弢денно сообщает она.

— Безобразие! Будто в художники готовят, — подумала я и оглупнулась на Таню.

Э. АМАНОВА.

Орден Трудового Красного

Знамени типография Издательства

ЦК Компартии Узбекистана.

Б. 3285.

Р. 05630.

Индекс 64596.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

Рядом с вами

ЗАДАВАЙТЕ МНЕ ВОПРОСЫ!

Я НЕ ВПЕРВЫЕ сталкиваюсь с этим: учитель, о котором хочется написать, недоумевает — почему именно о нем? Вроде ничего особенного не отличаются его уроки, самая обычная работа... Светлана Ивановна Луцко, преподаватель истории ташкентской школы № 100, также растерялась: «Может, не стоит обо мне?» Но чем дальше разговаривала я с ее учениками, тем больше убеждалась: стоит.

Учителя истории сегодня, пожалуй, в самом труде отличаются: нужно обладать эрудицией, оригинальным мышлением, обширным кругозором, чтобы суметь поведать шестнадцатилетним ту самую историческую «правду», которая и для многих из них оказалась открытием. И очень важно верить самим, что учатся с учениками! Общность взглядов, интересов, мнений?

Светлана Ивановна вспоминает, как, закончив в шестидесятые годы Иркутский университет, она сомневалась, что существует другая правда — не та, которая была изложена в учебниках. Мир казался таинственным для молодой учительницы! Тогда, 25 лет назад, когда только началась ее педагогическая практика, ей казалось совсем несложным учить ребят: на все существовали готовые рецепты. Но уже из-за того, что дети задавали «квернерные» вопросы, тогда они казались дерзостью. Педагогические «аргументы» не отличались разнообразием и убедительностью: проработке на педсовете, вызов родителей. Но каком этапе начинающая учительница сама себе вынуждена была сказать: «Стоп. Я делаю что-то не то!»

И исторический кружок в далекой сибирской школе под руководством Луцко стал первой ласточкой в развитии школьного свободомыслия. Здесь высказывались мысли, которые считались в свое время «крамольными», но Светлана Ивановна была убеждена: ее ученики росли, настойчивыми гражданами, болеющими за судьбу Родины. Любить Родину — это не значит объясняться ей в любви, захлебываясь словами. Это знать ее прошлое, не всегда благополучное, поддерживать в настоящем. Эти убеждения старалась Светлана Ивановна всплыть в своих учениках.

У сегодняшних ее воспитанников (работает на 100-й, она с 1979 года) гораздо больше вопросов, но и определенная позиция, и четкие ответы, и естественно стремление разобраться во всем самим, а не принимать только на веру. Многим учителям это не по нраву, отсюда и конфликты с подростками. Луцко, напротив, насторожится, если урок пройдет благополучно — тихо, ей по душу острые дискуссии, в которых приходится буквально отстаивать свою точку зрения, доказывать свою правоту.

— Ненавижу разговоры, в которых сквозит: «А вот в наше время...», — говорит учительница. — И в наше время были ошибки, и какие! За что же сегодня упрекать молодых? Мы говорим, что они циничные, дерзкие, жестокие. Неправда! Они смелые, ответственные, серьезные. Во всяком случае, это здорово, насторожится Светлана Ивановна, всплытие в своих учениках.

— Ненавижу разговоры, в которых сквозит: «А вот